

в том, что некоторое время (пусть не очень долго) существовал волжский язык-основа, и считаем необоснованными сомнения некоторых языковедов по этому поводу.

Авторы книги правы в том, что суффикс *-k* множественного числа в венгерском языке восходит к финно-угорскому **-kk*, образовавшему имена от имен (стр. 400), однако сомнительна генетическая связь венгерского *k*-ового суффикса множественного числа с *k*-овым суффиксом множественного числа в прибалтийско-финских, мордовских (и тем более в саамском) языках; данный суффикс в этих языках восходит к финно-угорскому **-k*, а не **-kk*.

Мы не убеждены в целесообразности отнесения большей части морфологии к

другим грамматическим разделам (словообразования — к лексикологии, падежных и личных окончаний — к синтаксису), хотя и знаем, что авторы в данном случае следовали традиции, установившейся в составлении грамматик венгерского языка.

Замечания, которые мы сделали и которые мы еще могли бы сделать, относятся к спорным вопросам, которых немало в истории венгерского языка. Как отмечалось выше, рецензируемая работа заслуживает высокой оценки не только как учебник, но и как серьезное, глубоко научное исследование. Она по праву займет свое место среди лучших исследований последних лет по финно-угорским языкам.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1968.3.14>

Н. И. Терешкин, Ваховский диалект хантыйского языка (Фонетика и морфология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1968.

15 марта 1968 г. в Институте языкознания Академии наук СССР успешно защитил кандидатскую диссертацию «Ваховский диалект хантыйского языка (Фонетика и морфология)», научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания Николай Иванович Терешкин. Нижеподписавший выступил в качестве оппонента и предлагает вниманию читателей СФУ свою рецензию.

Финно-угорские языки изучены гораздо лучше, чем языки многих других систем. Однако некоторые финно-угорские языки, а именно обско-угорские, исследованы все-таки еще недостаточно. Неудовлетворительно обстоит дело с хантыйским языком. Несмотря на то что мы имеем хороший словарь хантыйского языка с данными из разных диалектов, публикации текстов, некоторые очерки по грамматике и истории, а также целый ряд статей по отдельным вопросам структуры языка, до сих пор отсутствуют подробные данные о фонологии, фонетике и грамматической системе большинства диалектов и говоров. Хантыйские диалекты резко отличаются друг от друга, поэтому новые сведения из малоизученных или же совсем

не изученных диалектов всегда представляют большую ценность. Финно-угроведы благодарны Н. И. Терешкину за то, что он серьезно занимается исследованием диалектов своего родного языка. Им уже издан первый том «Очерков диалектов хантыйского языка», в котором отражены и основные особенности фонетики и морфологии ваховского диалекта.

Во введении к рецензируемой работе автор приводит общие данные о хантах и хантыйском языке, а также об изучении хантыйского языка и его диалектов. Дается новая группировка диалектов и говоров хантыйского языка и их общая характеристика. Этот раздел показывает, что автор знаком со всей литературой, в которой рассматриваются данные проблемы, кроме самой новой работы (E. Vêrtes, *Die ostjakischen Pronomina*).

Автор правильно проанализировал положения предшествующих авторов и дал им объективную оценку. Относительно введения можно все-таки отметить тот факт, что автор неправильно транслитерировал по-русски фамилии некоторых исследователей, например, *Дьярматти*, *Штралленберг*. В целом технически диссертация оформ-

лена хорошо. Только в библиографических данных о литературе, опубликованной латиницей, допущены различного рода опечатки. Н. И. Терешкин, отлично знающий разные диалекты своего родного языка, смог, безусловно, гораздо лучше, чем предыдущие авторы, сгруппировать диалекты и говоры хантыйского языка. Рецензент хотел бы предложить автору опубликовать резюме этого раздела на английском или немецком языке в одном из международных журналов по финно-угроведению.

Труд Н. И. Терешкина является дескриптивно-синхроническим. В нем подробно описаны два компонента структуры ваховского диалекта. Данные, которые приведены в его работе, ценны. Они всесторонне и правильно проанализированы. Во введении автор иногда рассматривает изучаемый диалект также на диахроническом уровне, например, говоря о переходе $k > x$, $č > ш \sim с$, первичном y и т. д. (стр. 42 и сл.). Здесь автору следовало бы также учесть сравнительный материал из других финно-угорских языков. Без учета параллелей из других родственных языков можно прийти к неправильным выводам, например, относительно перехода $š$ в $š$ или s в словах *waš* ~ *waš* 'город'. Согласный y является в некоторых случаях и вторичным, аналогическим, а не всегда первичным, как считает автор (стр. 48).

Основные разделы диссертации посвящены фонетике и морфологии ваховского диалекта. Вокализм ваховского диалекта особенно интересен. В нем сохранились древние черты финно-угорского вокализма, а, может быть, даже древний финно-угорский уровень гласных, как это предполагал крупный исследователь хантыйского языка В. Штейниц. Н. И. Терешкин приводит все гласные изучаемого диалекта во всех возможных позициях. Определение образования гласных все же не всегда удовлетворительно. Например, артикуляция $\bar{a}$, $\bar{ä}$, $\bar{ö}$, $\bar{ə}$, $\bar{e}$ (а также некоторых согласных) дается только приблизительно. Так как хантыйские диалекты имеют сложную систему фонем и звуков, было бы желательно, чтобы автор в своих будущих исследованиях (с помощью фонетистов) определил образование всех хантыйских звуков более точно.

Кроме описания образования и выступления гласных и согласных, Н. И. Терешкин трактует в своем труде также разные случаи коартикуляции. Для финно-угроведов особый интерес представляет раздел о чередовании гласных (стр. 95 и сл.). Эти чередования, которые выступают в изучаемом, а также в некоторых других диалектах, очевидно, представляют собой очень древнее явление, так как оно имеет некоторые параллели в других финно-угорских языках. Хотелось бы узнать мнение автора о древности данного явления в хантыйском языке.

Относительно раздела по фонетике рецензент имеет еще одно пожелание. Интонация, динамическое ударение предложения, а также другие прозодические явления хантыйского языка совсем не изучены (как и во многих других финно-угорских языках). Поэтому было бы очень желательно, чтобы диссертант взял в план своих будущих исследований также упомянутые явления хантыйских диалектов и говоров.

В очерке по морфологии ваховского диалекта приведены все аффиксы слово- и формообразования. Анализируются имена существительные, прилагательные и числительные, а также местоимения, послелоги и наречия. Много места уделено формам глагола. Однако автор, к сожалению, ничего не говорит о союзах, на которые в современном финно-угроведении обращается особое внимание. Поэтому рецензент хотел бы получить от автора ответ на вопрос, имеются ли в ваховском диалекте древние исконно хантыйские союзы или же они заимствованы.

На стр. 114 автор пишет, что числовые формы ваховского диалекта выполняют двойную роль. С одной стороны, они выступают как формы, указывающие на грамматическую связь слов в предложении, с другой, как формы, лишь модифицирующие значения слов. Об обеих возможностях употребления числовых форм приведены слишком краткие данные. Следовало бы обратить больше внимания на синтаксические особенности употребления этих двух возможностей. Притяжательные формы имен существительных трактуются подробно и целесообразно. Изучаемый диалект имеет больше падежных форм, чем некоторые другие диалекты хантыйского языка. Говоря об основном

падеже (стр. 130 и сл.), автор привел все функции, где этот падеж может выступать, кроме одного важного случая, а именно: основной падеж может выступать также в связи с послелогоми.

Автор дает новое объяснение образованию форм направительного падежа (стр. 133 и сл.). С выводами его можно согласиться. Рецензент хотел бы лишь возразить против названий падежей вавхского диалекта. Создается впечатление, что автор исходил не из самого хантыйского языка, а имел в виду традиции других, не финно-угорских языков (см. стр. 145—150). Раздел о прилагательных (стр. 152 и сл.) представляет большой интерес. В нем доказано, что хантыйский язык, безусловно, имеет самостоятельные категории прилагательного. Н. И. Терешкин пишет, что прилагательные в отличие от существительных морфологически характеризуются тем, что не имеют никаких словоизменительных форм. Но это справедливо лишь по отношению к тем случаям, когда они выступают в роли определения. В других финно-угорских языках прилагательное может иметь словоизменительные формы, когда выступает самостоятельно (не как определение), например в эрзянском языке *од кудо* 'новый дом', *од кудосто* 'из нового дома', *од кудокс* 'новым домом', но *мон лисинь ташто кудосто*, *аволь одсто* 'я вышел из старого дома, но не из нового'. Возможно ли это также в хантыйском языке? Такой же вопрос возникает и относительно имен числительных, выступающих самостоятельно, а не как определения (см. стр. 162).

В финно-угорских языках отрицательные местоимения образуются при помощи некоторых суффиксов. *k*-вый суффикс хорошо описан в соответствующей литературе. Хантыйский суффикс (*y* автора — частица) *-nə*, *-nə̄* известен и в других финно-угорских языках, но данные о его выступлении и функциях очень скудны. Поэтому рецензент хотел бы предложить автору при дальнейшей работе в области хантыйской диалектологии подробнее описать все функции и возможности выступления суффикса *-nə*, *-nə̄*, и не только в связи с местоимениями. В частности, мо-

жет ли этот суффикс выступать в качестве элемента падежного окончания (направительный падеж)?

Автор рецензируемой диссертации говорит о послелогох и послеложных именах (стр. 182 и сл.). Это различие рецензенту не совсем понятно. Нам кажется, что с точки зрения финно-угорских языков послеложные имена — это те же послелогои. Нужно учесть тот факт, что финно-угорские послелогои отличаются от индоевропейских предлогов не только тем, что они стоят после того слова, синтаксические связи которого выражают, но и тем, что они могут выступать «серийно». Изучая любой финно-угорский язык, исследователь должен исходить из самого финно-угорского языка, а не работать по моделям индоевропейских или других нефинно-угорских языков. Так, некоторые финно-угроведы пытаются найти формы будущего времени, которые отсутствуют в большинстве финно-угорских языков. Они стараются терминологически выйти из этого «трудного» положения, используя термин *настоящее-будущее* время. Этот термин есть и в исследовании Н. И. Терешкина. Если учесть грамматические возможности всех нефинно-угорских языков, то можно образовать и еще более неуклюжие и ненужные термины. В грамматиках финского и эстонского языков, например, говорят только о *настоящем* времени. Что касается трактовки глагола в целом, то эта глава диссертации написана с хорошим знанием дела. Приведено много фактических данных, которые правильно проанализированы.

Н. И. Терешкин — хорошо известный хантыйский лингвист. Он не был особенно продуктивен, но то, что он опубликовал о своем языке, ценно во многих отношениях. Уже на основе опубликованных трудов можно было бы ему присудить ученую степень кандидата филологических наук. Настоящее исследование, представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук, вполне соответствует всем предъявляемым требованиям.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)